

### Раздел III. Записные книжки и эпистолярный как факт культуры и литературы

**В. С. Савчук**

*(научный руководитель – Е. Е. Приказчикова)*

*Уральский федеральный университет*

*Екатеринбург, Россия*

#### Тема женской свободы в эпистолярных и мемуарах Г. Алымовой-Ржевской

**Аннотация:** в статье проанализировано эго-документальное наследие Г. Алымовой-Ржевской, выпускницы Смольного института 1776 года. Предприняты попытки доказать, что мемуаристка обладала достаточно высоким уровнем женской свободы (самостоятельный выбор супруга, возможность отстаивания собственной позиции), что демонстрируют ее «Памятные записки» и письма, упоминаемые в мемуарном тексте. Кроме того, используя минус-прием, а также такие стиливые приемы, как фрагментарность и присутствие намеков, Г. Алымова-Ржевская стремится сделать свои записки аргументом в свою пользу, оправдать свое поведение.

**Ключевые слова:** «Памятные записки», Глафира Алымова-Ржевская, эпистолярный, эго-документы, женская свобода, Смольный институт.

XVIII век ознаменовался небывалым подъемом эпистолярной литературы как образца эго-документального текста. Распространенность писем как способа общения свидетельствовало об увеличении мобильности в обществе, о необходимости контакта между теми, кто жил далеко друг от друга. Эпистолярный в этом случае становился связующей нитью. Письмо было не просто возможностью передачи информации, но и средством подтверждения чего-либо, доказательством правдивости, того, что его авторы ничего не скрывают и максимально честны друг перед другом.

Письма могли быть и почти что политическим событием: императрица Екатерина II вела активную переписку с Вольтером, Д. Дидро и королем Пруссии Фридрихом II, в которых обсуждала с ними, в том числе, и вопросы преобразования общества [Переписка императрицы Екатерины II и господина Вольтера 1803]. Подобный род эго-документов изначально предполагал публичность, косвенную вовлеченность третьих лиц, которые должны были ознакомиться с текстом письма и воспринять точку зрения автора как единственно верную, хотя бы она и была намеренно сконструирована для поддержания необходимого образа. С другой стороны, эпистолярный предполагал определенную камерность, почти интимность, поэтому в нем могли присутствовать «недоговоренность, фрагментарность, намеки» [Тынянов, с. 131]. Перечисление бытовых событий уже не было единственной целью письма как такового, наоборот, в тексте могли встречаться и вставки в виде стихотворных отрывков или шуток. Примером служит переписка Екатерины II со «смолянкой» первого выпуска, фрейлиной Александрой Левшиной [Переписка императрицы Екатерины II с А. П. Левшиной, URL]. Таким образом, как верно резюмирует Ю. Н. Тынянов, «письмо, бывшее документом, становится литературным фактом» [Тынянов, с. 131].

Стратегия женского письма существенно отличалась от мужского: во-первых, женщина отождествляла письмо и разговор, прибегая к устной манере повествования, во-вторых, нередко для нее был важен сам факт получения письма, даже не содержащего ценных сведений, ей достаточно было того, что родственники уведомили ее о своем здоровье и при этом не сообщили никаких важных новостей. А. В. Белова пишет по этому поводу: «Содержательная ценность коммуникации о “повседневном” определялась, в первую очередь, регулярностью ее осуществления» [Белова, с. 180]. Кроме того, через переписку женщина могла проявить свою «социальность». Написание писем тем, с кем она не могла увидеться лично, заменяло ей повседневный разговор, поэтому была необходима непрерывность переписки.

Небезынтересным документом этой эпохи становятся «Памятные записки» Глафиры Алымовой-Ржевской. Они были написаны на французском языке в начале XIX века: французский язык, в свою очередь, был основным языком коммуникации в дворянской среде. Мемуаристка использует в своем тексте минус-прием: она упоминает письма, которые служили бы в другом случае документом, доказывающим истинность ее слов, но не включает их в мемуары. Противоположностью были, например, «Записки» В. А. Нащокина, в которых он скрупулезно приводит различные документальные сведения, в том числе взятые непосредственно из канцелярии. Он настолько стремился отразить правдивость событий своей жизни, что в его записки «включены известия о нескольких военных кампаниях, в которых автор хотя и не участвовал, однако отметил их особым вниманием, используя многочисленные документы и даже акварельные планы, которые мог получить только из канцелярии» [Вознесенская, с. 51].

Г. Алымова была также институткой первого выпуска, фрейлиной и женой придворного поэта Алексея Ржевского. Она росла в эпоху формирования гинекратического культурного мифа, призванного объяснить, почему в патриархальном мире на троне восседают женщины, и укоренить представление о том, что женское правление несет благо, а не хаос, и начала женского образования в Российской Империи.

Конечно, дворяне и раньше обучали своих дочерей, нанимая им учителей. Но это было по желанию родителей, и централизованным, так же, как и систематическим, такое обучение назвать было нельзя. В новом же проекте, который Е. Е. Приказчикова называет «антропологической утопией», на первый план выдвигалось систематизированное выращивание «новой породы» людей, просвещенных, тянущихся к познанию и стремящихся к его использованию на благо Отечества, и вместе с тем богобоязненных, покорных монаршей воле и не склонных к бунту. Поэтому, создавая Смольный институт, Екатерина II рассчитывала, что его выпускницы, выйдя замуж и родив детей, будут передавать им определенный взгляд на мир. Е. Е. Приказчикова замечает, что «Екатерина II не рассматривала Смольный как аналог женского университета, готовящего для России “ученых” женщин» [Приказчикова, с. 738], однако фактически императрица способствовала их появлению. В первые годы существования Смольного институткам старались дать энциклопедические знания, а установки, даваемые им, приводили к тому, что выпускались девушки, неготовые заниматься исключительно семьей и домом. Они интересовались литературой, искусством, старались расширять свой кругозор, а самое главное, считали, что вправе свободно мыслить и поступать, сообразуясь и со своими желаниями. Таким образом, как пишет Ю. М. Лотман, «при Екатерине дух института определялся вначале влиянием И. И. Бецкого и его утопических планов воспитания “идеального человека”» [Лотман, с. 80]. Однако Н. Н. Пушкарева замечает: «Первый выпуск “смолянок” называли “воспитанными дудочками”, девушки умели прекрасно держать себя в обществе, танцевали, пели, но поддержать разговор в светском обществе по-прежнему не могли» [Пушкарева, с. 22]. А ведь разнообразие дисциплин было в том же числе и для того, чтобы институтка могла свободно разговаривать на любую тему. И сама Екатерина II была в высшей степени просвещенной и образованной женщиной. Впрочем, во-первых, ее можно считать исключением, а, во-вторых, во многом это суждение базируется на ее записках, в которых она тщательно конструировала свой образ (представлены три версии мемуарного текста, одна из которых (первая) – эпистолярная).

Тема женской свободы отражена в эго-документе Г. Алымовой, косвенно она реализуется через упоминание трех писем.

Первое письмо, фигурирующее в тексте «Памятных Записок», принадлежит Софье де Лафон. Госпожа де Лафон была начальницей Смольного института и состояла в достаточно близких отношениях с Глафирой Алымовой. В тот момент юная Глафира оказалась в непростой ситуации: за ней ухаживал престарелый Иван Иванович Бецкий, попечитель Смольного. И. И. Бецкий обещал стать мемуаристке приемным отцом, но, будучи в нее влюбленным, ревновал девушку ко всем и старался оградить ее от внешнего влияния, выдавая

свою ревность за заботу о ней. Г. Алымова писала, что она была также равнодушна к нему, однако ей не нравилось то, что он скрывал свою страсть, выражая ее в таких неприглядных формах. Не добившись желаемого, он прибегнул к крайним мерам: «Наконец он заставил г-жу Лафон написать письмо, исполненное упреков, в котором она мне доказывала, что я буду самая неблагодарная девушка, если откажусь выйти за Бецкого» [Ржевская, с. 52]. Кстати, дословный текст письма в записках не приводится.

Из этой ситуации можно заключить, что установка на документальность исчезает, а в задачи мемуаристики входит, в первую очередь некоторая степень оправдания. Письмо перестает быть «документальным фактом». Г. Алымова, что важно отметить, ничего не пишет о том, как она сама вела себя с И. И. Бецким. Несомненно одно: мемуаристка позиционирует себя как актор, что неприемлемо для женщины в патриархальном обществе, которое предписывало порядочной женщине совсем иные ключевые качества: скромность, кротость, покорность. Что же касается непосредственно письма от Софьи де Лафон, следует упомянуть, что начальница института фактически заменила Г. Алымовой мать. Следуя за научным ходом мыслей А. В. Беловой, думаем, что это письмо могло быть своеобразным разговором по душам, выговором, который не мог быть сделан в силу обстоятельств (мемуаристка жила тогда уже в доме И. И. Бецкого) наедине, то есть мадам Лафон реализовывала как «социальность», так и продолжала тот самый непрерывный диалог, столь нужный для женщины в ее отношениях с другими людьми. Следовательно, «камерность» в личностном характере эпистолярного текста, которое выходит за рамки обычного отношения институтки и начальницы Смольного, еще раз подтверждает это. Кстати, уровень женской свободы мемуаристки высок еще и оттого, что она не послушалась женщину, выполнявшую материнскую функцию, соответствующую, обладавшую очень высоким авторитетом для Г. Алымовой.

Второе письмо, представляющее интерес, написано уже мемуаристкой. И опять в тексте встречается лишь упоминание о нем. В этом письме говорится о втором замужестве Г. Алымовой, причем очень скандальном. Во второй раз ее избранником стал Филипп Маскле, не бывший дворянином, преподаватель французского языка, который был младше ее на двадцать (!) лет. На момент заключения брака мемуаристка считалась более чем зрелой женщиной: ей исполнилось пятьдесят лет. Естественно, что в таком случае требовалось особое разрешение из-за получившегося мезальянса. Г. Алымова написала письмо императору Александру I, и император поддержал ее решение: «Никто не вправе разбирать, сообразуется ли такое замужество с вашим и летами и положением в свете. Вы имеете полное право располагать собою и, по-моему, прекрасно делаете, стараясь освятить таинством брака чувство, не воспрещаемое ни религией, ни законом чести. <...> По уважению, которое вы внушаете, в достоинстве вашего выбора нельзя сомневаться» [Ржевская, с. 66].

Теоретически мемуаристка имела полное право на заключение этого брака. Она была вдовой, ни от кого не зависела, более того, Александр I назначил ей 4000 рублей пенсии и 63000 рублей на уплату долгов, питая симпатию к Г. Алымовой. К тому под его началом служил один из ее сыновей, когда Александр I еще не был императором. Замужество это было вторым, напомним, что православная церковь разрешала три брака. Однако поступая таким образом, мемуаристка должна была не брать в расчет общественное мнение, которое точно бы осудило ее, и снова демонстрировала женскую свободу.

Конечно, письмо Александру I существовало, оно до сих пор хранится в архивах. Станным кажется лишь упоминание письма – излюбленный прием мемуаристики XVIII века, но «опускание» в тексте его содержания. А. В. Белова утверждает, что «специфическое отличие частной переписки в новое время состоит в ее “массовом” распространении, связанном с тем, что она отражала процесс эмансипации индивидуальности, в том числе женской» [Белова 2016; с. 170]. Приведенный текст письма мог бы демонстрировать эмансипированный нрав Г. Алымовой, санкционировать ее поступок, нехарактерный для XVIII века, однако мемуаристка не спешит приводить текст письма высочайшей особе и высочайшей особы и снова отказывается от доказательства. Можно предположить, что она

жаловалась императору на всеобщее осуждение, раз он пишет, что никто не вправе обсуждать ее возраст и положение в свете. Такая стратегия вызывает вполне разумный вопрос: почему Г. Алымова так упорно не хочет делать вставку в виде эго-документа в тексте «Памятных записок», если ей важно убедить читателя в том, что ее поведение правильно и не заслуживает упрека? Кстати, стратегия Г. Алымовой-Ржевской обеспечила социальный статус ее нового мужа. Он стал российским дворянином, затем камергером и русским консулом в Ницце, причем дворянство ему даровал сам император Александр I.

Здесь будет уместно упомянуть о третьем письме, которое тоже не было вставлено в текст мемуаров. Строго говоря, это не письмо, а записка. Авторство ее принадлежит великой княгине Наталье Алексеевне, первой супруге Павла I. Наталья Алексеевна была дружна с Г. Алымовой, учила ее музыке (мемуаристка еще училась в Смольном институте), разговаривала с ней по душам и обещала взять ее к себе «по окончании курса в качестве друга, выпросив согласие у Императрицы» [Ржевская, с. 55]. Когда Глафира была больна, великая княгиня приезжала к ней. Будучи уже беременной и нелегко перенося это состояние, она прислала в институт графа Разумовского с цветами и конфетами в знак того, что она не забывает о своей юной подруге. Также граф Разумовский передал и ту самую записку от великой княгини: дословный текст ее нам неизвестен, так как Г. Алымова ее потеряла, как говорит она сама в тексте записок. В тот момент великая княгиня была близка к смерти: Наталья Алексеевна умерла совсем молодой, в двадцать лет, из-за тяжелых родов, поскольку имела сильные проблемы со здоровьем – у нее был искривлен позвоночник, и она фактически не могла родить ребенка. Удивительно то, что эта записка была утеряна. Кстати, как будто желая оправдать себя, мемуаристка тут же упоминает, что у нее хранится письмо от великой княгини, которое было написано в Москве и передано через брата Натальи Алексеевны, принца Дармштадтского.

Отправитель записки – одна из высочайших особ Российской Империи. Письма от них трепетно хранились и береглись. Соответственно, потеря записки также наводит нас на сомнения в том, существовала ли она вообще, или мемуаристка, стараясь «обелить» себя, прибегла к выдумке, зная, что никто не сможет проверить этот факт. Задача не включенной в мемуары записки, на наш взгляд, предельно ясна: Г. Алымова стремится показать, что она была принята великой княгиней, что ей не просто была оказана честь, но она заслужила ее дружбу и преданность. Это тем более важно, что отношения мемуаристки со двором в эпоху Павла I были натянутыми. Со слов Г. Алымовой, придворные отношения отличались неискренностью, лицемерием и необходимостью угождать. Сама же она находилась в высшем свете лишь оттого, чтобы оберегать свою дочь Марию, тоже фрейлину. После замужества Марии мемуаристка окончательно отдалилась от двора. Описанное благоволение со стороны Натальи Алексеевны должно было разрушать неприглядность картины: при дворе находились те, кто понимал Г. Алымову, поддерживал ее, при этом не упрекая ее за особенности характера. Кстати, такое внимание к милостивому обращению императора Александра I тоже может служить доказательством того, что мемуаристка преследует цель объяснить, почему ей было так сложно ужиться с другими при дворе, снимая с себя любые подозрения в возможной вине.

Итак, в своих «Памятных записках» Глафира Алымова трижды упоминает об эпистолярности: двух письмах и одной записке, однако ни разу не приводит их текст целиком, идя вразрез со сложившейся традицией, согласно которой текст письма от официального и вышестоящего лица должен был быть включен полностью в качестве вставки в знак доказательства правдивости описываемых событий. Документальная функция письма исчезает, эпистолярный, с одной стороны, все еще должен быть аргументом в пользу мемуаристки, то есть оправдывать ее поведение, показывать ее с выгодной стороны, с другой стороны, он больше не является доказательной базой, из чего можно сделать вывод, что описательная стратегия мемуаров включает в себя минус-прием, а стиливые приемы письма, такие как фрагментарность и присутствие намеков, переходят в текст «Памятных записок», становясь одной из черт поэтики непосредственно самих мемуаров.

## Литература

Белова А. В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // *Культура и текст*. 2016. № 2 (25). С. 167–185.

Вознесенская И. А. Записки В. А. Нащокина: роль документа в мемуаристике XVIII в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2017. Том XXXVI. С. 47–61.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). – СПб. : Искусство – СПб, 1994.

Переписка императрицы Екатерины II с А. П. Левшиной. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/EkaterinaII/Russkij\\_vestnik/2/text.htm](https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/EkaterinaII/Russkij_vestnik/2/text.htm) (дата обращения 05.04.2024).

Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / Перевел с французского Иван Фабиян. — М. : Вольная типография Гария и Компании, 1803.

Приказчикова Е. Е. «Новая женщина» в дворянской среде. Смольный институт как проект // «Культура духа» vs «культура разума». Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / Под общ. ред. Л. Н. Репиной. – М. : Аквилон, 2022. С. 726–746.

Пушкарева Н. Л. Образовательная система Смольного института благородных девиц // *Глобальный научный потенциал*. 2017. № 11 (80). С. 19–23.

Ржевская Г. И. «Памятные записки» // *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц* / Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. Изд. 4-е. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт. – М. : Высшая школа, 1993.

**Savchuk V. S. The theme of women's liberation in the epistles and memoirs of G. A. Alymova-Rzhevskaya**

**Abstract.** The article analyzes the ego-documentary legacy of G. Alymova-Rzhevskaya, a graduate of the Smolny Institute in 1776. It is proved that the memoirist had a fairly high level of female autonomy (she independently chose her spouse and defended her position), which is evident from her “Memoirs” and letters mentioned in the text. Additionally, using negative techniques and stylistic devices such as fragmentation and hints, G. Alymova-Rzhevskaya attempts to make her memoirs an argument in her favor and justify her actions.

**Keywords:** “Memoirs”, Glafira Alymova-Rzhevskaya, epistolary, ego documents, women's freedom, Smolny Institute.